

ПОВОДОВ ДЛЯ ВЕСЕЛЬЯ мало было в ту страшную зиму тысяча девятьсот сорок второго. Десятки эшелонов с тяжелоранеными и эвакуированными принимал в декабре Златоуст. Многие школы не работали — в них размещались госпитали.

И все же Новый год вселил новые надежды, и людям хотелось хоть немного радости, капельку веселья.

В госпиталь к раненым пришли актеры эвакуированного Орловского театра: заслуженный артист УзССР

Александр Сергеевич Загаров, Сергей Иванович Попов и совсем еще молодая актриса Валентина Чеханкова. Накануне она получила известие о том, что ее муж, полковник, погиб на фронте... Старшие товарищи по сцене уговаривали Валу не ходить на концерт.

— Как-нибудь проведем. Посиди со своим Феденькой.

Валентина старалась отвечать как можно спокойнее:

— Федя в детсаду. А мне трудно одной...

В школьном спортивном зале не хватало стульев. Раненые расположились прямо на полу. Многие нянечки привозили на колясках. Когда все устроилось, на сцену вышла Валентина Чеханкова. Она смотрела на бледные, обескровленные лица солдат и офицеров и долго не могла начать петь.

Наконец, очень тихо, словно издали, полились слова популярной тогда песенки:

Синенький скромный платочек
Пал, опущенный
с плеч...

И оживились глаза раненых, словно огонек пробежал по рядам... Может быть, каждый из них вспомнил в это время свою любимую, оставленную где-то далеко жену, невесту или сестру.

— Землянку, землянку! — кричали бойцы.

И снова она пела:

Бьет в тесной печурке
огонь,

ЩЕДРАЯ РАДОСТЬ

на поленьях смола,
как слеза.

А самой хотелось плакать. Но она пела:

Ты сейчас далеко, далеко,
Между нами снега
и снега...

Потом выступали с отрывками из спектаклей.

Закаленные в боях войны радовались, как дети, горячо аплодировали артистам. А когда исполнялись роли врагов, зрители гневно сжимали губы, мрачнели их лица, и невольный стук костыля еще сильнее подчеркивал суровость обстановки.

И опять со сцены лились песни: звонкие, задористые частушки веселили бойцов.

— Дорогие товарищи артисты, — говорил военврач на прощанье. — Ваше вдохновение, ваши щедрые сердца лечат воинов не хуже лекарств. Принежите к нам пощаду...

— Мой путь в искусство? — смущенно улыбается Валентина Абрамовна. — Росла я в таежном сибирском селе Болотное, без отца, без матери. Семья большая, пятеро нас было. Одна отряда — приезд артистов из области. Оживало тогда дремотное село. Даже самые угрюмые тянулись в клуб.

Наверно, именно тогда я впервые поняла, сколько радости людям может дать искусство. Трое нас, девчонок, влюбленных в сцену, поехали в большой город. Добиралась до Омска из таежной глухомани целых пять дней. Устали очень, и прямо на пороге театрального училища уснули. А утром — экзамены. Мне посчастливилось — приняли... Ну, а после окончания — Ярославский театр юного зрителя.

И первая роль — первая надежда. Играла я Петю из пьесы Катаева «Белеет парус одинокий». Так все и нача-

лось... А с 42 года — в Орловском театре.

Валентина Абрамовна рассказывает о своих любимых ролях. А я рассматриваю фотографии, листаю газеты с рецензиями. Их много: орловские, брянские, черниговские, харьковские, златоустовские и снова орловские. Рецензии и отзывы зрителей, и пожелания режиссеров, добрые, сердечные.

Вот памятная надпись на театральной программе: «В. А. Чеханковой. Поздравляю с Великим праздником и хорошей премьерой! Будьте такой же принципиальной и чистой в искусстве, как Уля Громова в своей короткой и прекрасной жизни. А. Беляевский. 1947 г.»

— Это наш замечательный режиссер, — говорит Чеханкова. — Мы тогда, почти в разрушенном Орле, в Доме учителя ставили «Молодую гвардию». А как репетировали! Где придется... Даже под лестницей. А как играли мои товарищи...

О себе артистка рассказывает с неохотой, бегло, но когда заходит речь о других — тут она не жалеет теплых слов.

— Да, да, как замечательно тогда выступали и Кученко-Емельянова, и Байковский, и Мингалева. А разве забудешь Ляшенко! Чудесный был режиссер — строгий и справедливый. А главное — талантливый актер.

«Парень из нашего города» — это же первый спектакль на орловской сцене. Чеханкова исполняла роль Вари. А Сергея играл сам режиссер.

Вместе вспоминаем другие спектакли. Почти за четверть века их было немало. Совершенно разные роли исполняла Чеханкова. То она Ирина в чеховских «Трех сест-

рах», то Нина в «Угрюм-реке», а то и просто забитая, истерзанная девчонка Аниска в леоновском «Нашествии». Помнят ее зрители и в «Волках и овцах», где она исполняла Глафиру, и в спектакле «Дружба» в роли молодого колхозного специалиста — агронома Анны Ивановны...

Совсем недавно она создала запоминающийся, колоритный образ матери в спектакле «Вей, ветерок!».

— Я очень волновалась за эту роль, — говорит она. — Но, кажется, ничего... А теперь снова — волнения, снова роль матери.

Сейчас Чеханкова репетирует Кончетту в пьесе Эдуардо де Филиппо «Рождество в доме сеньора Купьелло».

— Спектакль обещает быть очень интересным. Мне хорошо помогает режиссер Горин. Хочется создать действительно правдивый образ матери, щедрый на любовь... Трудная роль, очень трудная...

Взгляд Валентины Абрамовны останавливается на фотографии молодого человека, выпавшей из альбома, и она уже другим, совершенно домашним тоном говорит:

— Мой сын Федя, которого я тогда в Златоусте в детский садик водила... Он окончил институт, теперь в Москве, в театре Советской Армии. Перед Новым годом у него большое событие в жизни: начал репетировать роль царевича Федора в пьесе Алексея Толстого «Смерть Ивана Грозного». Как видите, искусство продолжается...

В этих словах слышалась радость, воистину щедрая радость матери и артистки.

А. ЯНОВСКИЙ.

Орловская правда
г. Орел

51 ЯНВ 1948